

УДК 341.9

Шаравина Диана Александровна

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России)

Юридический факультет

Россия, Москва

kasatkadi28@gmail.com

Sharavina Diana

The All-Russian State University of Justice

(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

Faculty of Law

Russia, Moscow

СУЩНОСТЬ АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация: при заключении договоров с иностранными юридическими лицами или гражданами важное значение имеет возможность выбора сторонами определенной правовой системы, которая будет применяться к их гражданско-правовым отношениям, поэтому в статье обозначены ключевые положения реализации принципа автономии воли сторон в международном частном праве на основе анализа российского и зарубежного законодательства, а также правоприменительной практики.

Ключевые слова: международные отношения, свобода договора, принцип автономии воли, выбор применимого права, соглашение.

THE ESSENCE OF THE AUTONOMY OF THE WILL OF THE PARTIES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Annotation: when concluding contracts with foreign legal entities or citizens, it is important for the parties to choose the legal system that will be applied to their civil

law relations, therefore, the article outlines the key provisions for implementing the principle of autonomy of the will of the parties in private international law based on an analysis of Russian and foreign legislation, as well as law enforcement practice.

Key words: foreign relations, freedom of contract, *lex voluntatis*, choice of applicable law, agreement.

Важным аспектом при заключении международного договора является вопрос о выборе применимого права. Автономия воли предоставляет сторонам возможность выбора определенного регулятора их частноправовых отношений. Данная концепция разрабатывается и постоянно модернизируется на протяжении нескольких сотен лет, не теряя своей актуальности. Даже в современном мире при повсеместной глобализации и увеличения объемов международного оборота автономия воли, напротив, играет принципиальную роль, поскольку позволяет контрагентам установить оптимальное регулирование, примиряющее их интересы.

Принцип автономии воли сторон (с лат. *lex voluntatis*) рассматривается как коллизионный принцип, занимающий одно из ключевых положений в договорных обязательствах. Стороны могут реализовать свое право на выбор в любой момент существования договорных отношений [1, с. 153].

Необходимость регулирования *lex voluntatis* очевидна: непризнание одного из основополагающих принципов непременно обернется для государства торможением развития как национальной, так и мировой экономики и, наоборот, отсутствие ограничений данного принципа создаст почву для всевозможного злоупотребления правом со стороны участников правоотношения.

В соответствии со ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) стороны договора по соглашению между собой могут избирать право, подлежащее применению к их правам и обязанностям по этому договору [2]. Нужно отметить, что вышеизложенное положение относится только к

правам и обязанностям сторон, исключая вопросы дееспособности, поскольку это компетенция национального правопорядка.

Автономии воли подразумевает под собой возможность сторон самостоятельно осуществлять выбор права, подлежащего применению. Однако согласие участников правоотношений о руководстве общими принципами права или справедливости не будет являться обоснованной причиной для признания выбора состоявшимся. Допустим, стороны указали на готовность применения принципов УНИДРУА, но следует учесть, что суд все равно может определить национальный правопорядок, исходя, например, из закона станы продавца. Этот закон будет работать, потому что стороны не определили право, подлежащее применению.

Неопределенность формулировок условий соглашения сторон о выборе применимого права нередко создает трудности в случае возникновения между сторонами договора спора [3, с. 325]. В результате углубленного изучения темы и правоприменительной практики мы приходим к выводу, что воля сторон может выражаться несколькими способами.

Во-первых, в виде прямо выраженного соглашения: условие (оговорка), сформулированная и подписанная сторонами, о применимом праве непосредственно в тексте договора или отдельное соглашение.

Вторым способом будет являться подразумеваемое соглашение. Стороны при определении прав и обязанностей по договору могут использовать терминологию, характерную для определенного национального правопорядка. Например, очень специфические термины содержатся в мусульманском праве, поэтому если в договоре страхования мы увидим термин «такафул», то это точно не российское право, а право какой-либо мусульманской страны. Такафул (в переводе с араб. предоставление взаимных гарантий) – это система исламского страхования, в основе которой находится механизм распределения прибылей и убытков, исходя из норм Шариата [4, с. 52]. В данном случае эти слова будут указывать на конкретную национальную правовую систему.

Ссылки сторон при обосновании своих требований и возражений на отдельные гражданско-правовые нормы определенной страны или на одно и то же применимое право также будут являться одним из способов выражения воли сторон, однако это право действует только на этапе судебного разбирательства.

Существует определенная презумпция относительно автономии воли сторон в МЧП: с позиции Верховного Суда, если истец обосновывает свою позицию по делу ссылкой на нормы гражданского законодательства РФ, а ответчик никаких возражений не высказывает (не оперирует нормами ГК или просто молчит по поводу применения российского права), то это означает, что ответчик согласен рассматривать дело в соответствии с данным правопорядком.

Воля сторон также может быть выражена, исходя из совокупности обстоятельств дела, например, из соглашения, которое было заключено через обмен процессуальными документами. Помимо этого, явно свидетельствовать о подразумеваемом соглашении может ситуация с несколькими договорами, участниками которых являются одинаковые лица, когда, допустим, первый договор содержит условие о применимом праве, а второй – нет.

Таким образом, включение положений о выборе права в текст договора является одним из основных способов, однако не единственно возможным. Вместе с тем такой выбор не должен наносить ущерба третьим лицам, которые могли приобрести определенные права по договору [5, с. 289].

Необходимо подчеркнуть, что выбор сторонами компетентного суда или места проведения международного коммерческого арбитража сам по себе не означает выбора в качестве применимого к спорным правоотношениям материального права того же государства [6]. В российской правоприменительной практике, если стороны договорились, например, в виде арбитражной оговорки, что все споры, вытекающие из данного соглашения подлежат рассмотрению в российском суде – это не значит, что они автоматически избрали российское гражданское право в качестве права, подлежащего применению, поскольку это два абсолютно разных вопроса.

Мотивы выбора применимого права у сторон могут быть самыми разнообразными:

1. Возможность регулирования определенных правовых вопросов, возникающих в связи с реализацией договорных правоотношений. В данном пункте стороны обращают внимание на степень детализации правового регулирования, поскольку в зависимости от стран она может существенно отличаться. Например, выбор стоит между Гражданским законом Монголии и Гражданским кодексом РФ, которые между собой довольно сильно различны по правовой природе. Если мы говорим про Монголию, то их Гражданский закон (кодекс) достаточно скромный, поскольку многие вопросы в нем не урегулированы и в целом он не такой объемный, как Гражданский кодекс РФ. Можно даже проследить некую структурную связь между Гражданским законом Монголии и Гражданским кодексом РСФСР 1964 года. Исходя из вышеизложенного, сторонам с точки зрения детализации их прав и обязанностей, возможно, удобнее будет выбрать именно российское право.

2. Степень содержания императивных норм. Таким образом, если у сторон стоит выбор между, допустим, российским и польским правом, то они выбирают тот правопорядок, где ограничений меньше и, соответственно, свобода выбора у сторон будет больше. Наглядный пример одного из мотивов выбора применимого права: если какой-то правопорядок содержит большое количество императивных или сверхимперативных норм, то сторонам нет целесообразного смысла его выбирать.

Однако не следует путать данный мотив с обходом закона, под которым подразумевается ситуация, когда стороны искусственно притягивают правоотношение для того, чтобы какой-либо конкретный правопорядок применить. Обход закона – умышленные действия, дополнительные критерии или дополнительные усилия, предпринимаемые сторонами и связанные с необходимостью избежания определенного правопорядка. В нашем случае стороны просто выбирают между российским и польским законодательством, не

привязывая, например, Великобританию для того, чтобы применить английское право. Обходом закона считалось бы, в частности, открытие счета в банке Великобритании и желание сторон искусственно прицепить английское право, хотя на самом деле место нахождения обслуживающего банка для отношения сторон значения не имеет.

3. Допустимость изменения права, избранного сторонами. Здесь смысл в том, что не каждая страна закрепляет подобное положение (где-то разрешено, где-то такое право ограничено).

4. Применимость выбранного права к вопросам приобретательской давности (исковой давности). Например, если мы рассматриваем приобретательскую давность во Франции, то она значительно больше, чем в России, а значит сторонам по договору, конечно, предпочтительнее выбрать российское право.

5. Целесообразность определения права, применимого не только к соглашению о встречной торговле, но также и к будущим контрактам на поставку. То есть стороны выбирают какое право на перспективу будет более привлекательным в случае, если они выстраивают длительные отношения и анализируют правопорядок двух или более стран, тесно связанных с правоотношением.

Важным аспектом автономии воли в международном частном праве также является вопрос о действительности соглашения сторон о выборе применимого права.

Во-первых, дозволенные пределы выбора применимого права решаются и определяются судом на основании российского законодательства.

Во-вторых, действительность соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли, а также факт заключения такого соглашения определяются на основании права, выбранного сторонами.

Это положение порождает цепочку неопределенности, поэтому для лучшего уяснения необходимо обратиться к общим положениям ГК РФ о

действительности сделок, где порок воли – это условие договора. Сделка может быть признана недействительной как в целом, так и в части, поэтому технически мы можем рассматривать вопрос о действительности волеизъявления как раз в части выбора права, подлежащего применению. Однако в нашем законодательстве прописан принцип автономности соглашения о применимом праве. Соответственно, даже если есть все основания для признания сделки недействительной, соглашение о выбранном праве будет действительно всегда, поскольку оно автономно, то есть является отправным моментом для разрешения возможной конфликтной ситуации между сторонами в будущем.

Итак, мы рассмотрели случаи, когда стороны самостоятельно и добровольно выбрали право, подлежащее применению, однако какие последствия могут быть у неопределенности выбора права?

Если у суда остаются сомнения в том, имеется или нет косвенное согласование применимого права, то они решаются в пользу отсутствия соглашения (выше мы указывали, что существует, так называемое, «подразумеваемое соглашение» и если суд не до конца уверен в существовании этого соглашения, то применению подлежит закон страны продавца согласно ст. 1211 ГК РФ).

Отсутствие волеизъявления сторон в отношении применимого права означает, что его определяет компетентный суд или арбитраж на основании применимых коллизионных норм.

Возвращаясь к автономии воли, можно отметить, что актуальной проблемой на данный момент являются аффектированные ограничения в отношении участников делового оборота и свободы договора в целом, прямое отношение к которым имеет современная политическая ситуация, связанная с санкциями, реторсиями и различными эмбарго, что так или иначе отражается на субъектах экономической деятельности.

От санкций, например, международных морских перевозчиков пострадали в первую очередь российские грузы, порты и компании, что нанесло приличный

удар по российскому бизнесу. Рестриктивные меры, принимаемые государством в международных отношениях, порождают возникновение новых «сверхимперативных норм», которые также не всегда удачно влияют на неподготовленных и незащищенных в изменившихся условиях воздействия субъектов экономической деятельности. Компромиссное решение сторон по спору в такой ситуации вряд ли будет достигнуто.

Действия США и ЕС в отношении России являются односторонними мерами ограничительного характера, а международные санкции также можно считать набором мер экономического воздействия на страну, поэтому лучшим вариантом будет постоянно совершенствовать и поддерживать комплекс гарантий для лиц, потерпевших от данной политизированной ситуации.

Исходя из вышеперечисленного, *lex voluntatis* в своем чистом исполнении обеспечивает сторонам правоотношения полное и прогнозирующее правовое регулирование, которое избавляет суд от лишних действий по поводу решения коллизионного вопроса и связанных с ним правовых проблем.

В современных кодификациях МЧП прослеживается тенденция формулировать автономию воли сторон как оснополагающее начало в сфере регулирования отношений, связанных с иностранным правом [7, с. 30]. В целом институт автономии воли является наиболее удобным и эффективным способом определения права, связанного с правоотношением, возникающим при определении и применении права, избранного сторонами в отношениях, осложненных иностранным элементом.

Список литературы:

1. Rozhkova K.O. Restrictions on the Autonomy of the Will of the Parties in the Choice of Applicable Law in Economic Relations Complicated by a Foreign Element. *Actual Problems of Russian Law*. 2018 (6). 153-161.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. ст. 4552.

3. Международное частное право: учебник / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. И. Марышева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. 848 с.

4. Беккин Р.И. Б 42 Исламское страхование (такафул): учеб. пособие / Р.И. Беккин. – Казань: Казан. ун-т, 2012. 140 с.

5. Комментарий к разделу VI части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. – Москва: Статут, 2021. 665 с.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 "О применении норм международного частного права судами Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/?ysclid=lnsksx5mtc322926164. (дата обращения 10.10. 2023).

7. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право: учебник для вузов / И. В. Гетьман-Павлова. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. 489 с.